

Глава 6. Ты женишься на мне?

— Ты как, не ушибся? — простодушно спросил Гу Чжао.

Великолепный солнечный свет пробился сквозь тучи, и его лучи, словно ласковые волны, озарили лицо юноши, делая его необычайно привлекательным. Жун Цунцзинь открыл рот, но не смог произнести ни звука. Ведь это был и его невысказанный вопрос. После смерти и разлуки он больше всего хотел знать, всё ли с ним в порядке. Глаза невольно наполнились влагой, застилая взор, но он изо всех сил моргал, пытаясь разглядеть лицо перед собой.

Они и так потеряли слишком много времени. Теперь каждая секунда была на вес золота.

Гу Чжао, однако, неверно истолковал его состояние. Увидев, как в янтарных глазах Жун Цунцзиня заблестели слёзы, он, судя по себе, решил, что тот ушибся при падении. Почувствовав себя виноватым и забыв о собственных мыслях, он почесал в затылке, сел и, помогая Жун Цунцзиню подняться, виновато пробормотал:

— Тебе, наверное, очень больно. Дай подую.

И он изо всех сил дунул ему на щеку. Их лица оказались так близко, что можно было ощутить дыхание друг друга. От Гу Чжао исходил тёплый, как от зверька, запах, совсем не неприятный — скорее, он напоминал спокойный аромат ручья, сверкающего под лучами солнца в лесной чаще. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, играл на лице Гу Чжао, подчёркивая его красоту и вместе с тем придавая ему то особое высокомерие, что свойственно лишь членам императорской семьи.

Хотя ушибся он сам, он всё равно беспокоился о другом. Жун Цунцзинь был тронут до глубины души. Он покачал головой.

— Совсем не больно.

— Подойди, я вытру.

Гу Чжао долго колебался, но в конце концов, словно птенец, впервые покинувший гнездо, подвинулся ближе и, вытянув шею, подставил лицо.

— Вот.

— Будет немного щипать, потерпи, — Жун Цунцзинь разорвал свой носовой платок на две части. Одной он осторожно стёр грязь с подбородка Гу Чжао, обнажив красную ранку. Увидев её, он вздохнул с облегчением: кроме синяка, была лишь одна царапина. Похоже, он наткнулся на что-то острое. Рана была глубокой, но с ровными краями, и лишь сверху была испачкана. После очистки, если не тревожить, она должна была зажить за несколько дней.

Род Динъюань был родом воинов, и в таких вещах он разбирался.

Жун Цунцзинь прижал к ране вторую половину платка, чтобы остановить кровь.

— Когда вернёшься, всё равно попроси служанку нанести лекарство. Понял? — с беспокойством добавил он.

— Угу, — рассеянно кивнул Гу Чжао, но от резкого движения поморщился.

В его затуманенном сознании промелькнула мысль о том, как же ему хорошо. Мать-императрица и старший брат были добры к нему, готовы были отдать всё, но они были так заняты, и ему приходилось оставаться одному, чтобы не мешать.

Впервые кто-то был рядом, и в этот миг даже жгучая боль в подбородке утихла.

Кровь постепенно остановилась. Жун Цунцзинь наконец успокоился. Гу Чжао, всё так же вытянув шею, сидел рядом с ним в кустах. На его красивом лице виднелись две полосы грязи, что придавало ему немного глуповатый вид.

— Фух... не болит, — Жун Цунцзинь, однако, не испытывал ни малейшего отвращения. Его взгляд смягчился, и он легонько подул на подбородок Гу Чжао.

Ох... Сердце Гу Чжао наполнилось радостью, а щёки снова залил румянец, на этот раз от смущения. Он сидел, скрестив ноги, и, опустив голову, о чём-то напряжённо думал. Наконец, он поднял голову и торжественно произнёс:

— Это... я — шестой принц.

— Да, Ваше Высочество, — Жун Цунцзинь едва заметно улыбнулся. Гу Чжао казался ещё более жизнерадостным и открытым, чем в прошлой жизни. И это было хорошо.

В его глазах отражались звёзды небесного озера Яочи.

Гу Чжао снова «отключился». Он сидел на земле и заворожённо смотрел на сияющее, словно утренняя заря, лицо Жун Цунцзиня. Жун Цунцзинь привык к его манере время от времени улетать мыслями далеко, где бы он ни находился. Вокруг них, словно распутившийся весенний лёд, цвели нежные цветы калины. С их ракурса казалось, что эти белые, чистые цветы, собранные в соцветия, заполняли всё небо, а бутоны на ветвях были белы, как нефрит.

Прячась с Гу Чжао в кустах, Жун Цунцзинь почувствовал, как его сердце наполняется нежностью. Впервые за долгое время он ощутил лёгкость. Хань Гуан, должно быть, незаметно исчезла, устроив эту встречу. Императрица, вероятно, хотела, чтобы они поговорили в саду.

Сад был местом уединённым, с множеством зарослей, но всё же открытым, и издали их было бы видно, что не дало бы повода для слухов.

Императрица, вероятно, и не предполагала, что они оба окажутся в кустах.

В этот раз Гу Чжао, словно камень, скатившийся с горы, с грохотом прокатился лицом по земле и рухнул к его ногам в самом жалком виде. В прошлой жизни их первая встреча состоялась в брачную ночь. Он сидел на кровати и ждал, когда князь снимет с него свадебное покрывало, но слышал лишь какой-то хруст, словно мышь грызла дерево.

Красные свечи плакали воском. Толстые, с руку, свечи с узором из дракона и феникса сгорели уже наполовину. Его настроение было мрачным, и он чувствовал себя всё более уставшим. К чему всё это? Жениться на распутнике, считающем себя неотразимым, или на безумном принце — разница лишь между плохим и худшим.

Всю оставшуюся жизнь ему предстояло провести рядом с мужем, который никогда не сможет его понять. День за днём, год за годом. Единственным утешением было то, что этот брак принесёт роду Динъюань большую выгоду и позволит им укрепить свои позиции в это смутное время. Пока он размышлял о том, как завоевать доверие наследного принца и какие полномочия получит их род после восшествия нового императора на престол, перед ним появилась горсть орехов с капельками слюны. Гу Чжао снял с него покрывало и, запинаясь, с улыбкой сказал:

— Это тебе.

Жун Цунцзинь присмотрелся. Почти все лotosовые семена и орехи гинкго на кровати были съедены Гу Чжао, а целые ядрышки он заботливо собрал в ладонь и протянул ему.

Обе их первые встречи были одинаково нелепыми, и трудно было сказать, какая из них смешнее. Но на губах Жун Цунцзиня появилась нежная улыбка.

— Давай вылезать, — предложил он. В саду цветы удобряли влажной землёй, которая могла испачкать одежду. К тому же, если Гу Чжао простудится, будет нехорошо.

Гу Чжао, однако, упрямо обхватил колени и не сдвинулся с места.

— Ты иди, — сказал он, но глаз с Жун Цунцзиня не сводил.

— Тогда я останусь с тобой, — Жун Цунцзинь с улыбкой сел рядом с ним в грязь и опавшие листья. Он, который всегда был так чистоплотен, что менял одежду, едва заметив пятнышко, теперь с радостью сидел в грязи. Он осторожно стряхнул пыль с одежды Гу Чжао. Воздух был напоён густым ароматом калины.

— Я — шестой принц, Гу Чжао, — снова подчеркнул юноша.

— Я помню, Ваше Высочество, — мягко ответил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао недовольно надул губы.

— Ты меня никогда не помнил.

После того пира в зале Цзиин он больше не мог его забыть. Все три года он считал дни до пиров, на которых мог его увидеть. Но тот всегда приходил ненадолго и уходил, не задерживаясь, не замечая обращённого на него взгляда.

Они встречались несколько раз, но Жун Цунцзинь, следуя этикету, лишь следовал за своими родными и никогда не смотрел по сторонам. Он, естественно, не знал о чувствах Гу Чжао. Но для Гу Чжао это была первая любовь, и хотя он понимал, что винить Жун Цунцзиня нельзя, он всё равно не мог не чувствовать разочарования и надеялся хотя бы на малейший знак внимания.

Со временем, не видя ответа на свои чувства, он начал было отчаиваться. Возможно, другие считали, что принцу всё дозволено, тем более ему, чьим братом был наследный принц. Но было так много того, чего он хотел, но не мог получить. Брат был занят, и он не мог беспокоить его по пустякам.

Приближённые всегда говорили ему, что такое «пустяки». А пустяками были, по сути, все его дела.

Всё было неважным и незначительным.

Не доставлять хлопот брату и матери-императрице — вот его главная помощь. Эта мысль прочно засела в голове Гу Чжао. Но когда он случайно услышал разговор евнухов о том, что у второго молодого господина из рода Динъюань сорвалась свадьба, он всё же помчался к наследному принцу.

Сначала брат не соглашался, говоря, что у молодого господина из рода Динъюань дурная слава, что он легкомыслен и не подходит для императорской семьи, и что он найдёт ему другую невесту. Гу Чжао устроил истерику, катаясь по полу, пока наследный принц, которому негде было ступить, не уступил, согласившись хотя бы устроить им встречу, чтобы посмотреть на ситуацию.

Гу Чжао вскочил и, весь в пыли, крепко обнял брата, а затем умчался прочь. Он столько усилий приложил, чтобы добиться этой встречи, а Жун Цунцзинь даже не догадывался, как больно было кататься по полу в кабинете брата. Там не было даже ковра, а каменные плиты были ледяными.

Жун Цунцзинь заметил блуждающий взгляд Гу Чжао и подумал, что тот, погружённый в свои мысли, выглядит особенно по-королевски — величественно и непредсказуемо.

Гу Чжао же в этот момент думал о том, что в кабинете брата непременно нужно постелить шёлковый ковёр с узором из цветов и птиц, чтобы в следующий раз, когда придётся кататься по полу, не мёрзнуть. В некотором смысле, его мысли действительно были весьма возвышенными.

Он решал проблему в корне.

Гу Чжао был человеком однозадачным. Решив одну проблему, он на мгновение возрадовался, но тут же вспомнил, что сидит рядом с Жун Цунцинем и что он вообще-то обижается...

Он бросил на Жун Цунциня сложный взгляд, затем быстро отвёл глаза, но не удержался и снова посмотрел на него, а затем, словно обжёгшись, отвернулся. Его глубокие, как звёздное небо, глаза выражали целую гамму чувств: он хотел и обижаться, и в то же время не мог оторвать от него взгляда.

Будь на его месте наследный принц, он бы уже давно катался по полу.

Жун Цунцзинь: «...»

Их встреча не могла длиться вечно. Гу Чжао был принцем, и после того, как он покинет дворец, неизвестно, когда они снова смогут увидеться. Жун Цунцзинь, отбросив церемонии, поспешил дать ему несколько советов:

— Зима только прошла, по утрам воздух ещё сухой. Ваше Высочество, добавляйте в чай немного мать-и-мачехи и миндаля, это успокоит лёгкие и выведет сырость.

— Весной всё ещё прохладно, не спешите переодеваться в лёгкую одежду, лучше носить стёганые халаты. Следите за питанием, не ешьте холодного. И не гасите угли в покоях, а когда открываете окна, остерегайтесь холодного ветра с озера.

— Ваше Высочество, не забудьте приказать слугам, — помолчав, как бы невзначай добавил Жун Цунцзинь.

Сердце Гу Чжао наполнилось теплом. Он энергично закивал. По натуре он был оптимистом, и пара слов заботы вновь зажгла в нём огонь надежды. Его невидимый хвост завертелся, как пропеллер. Он тут же забыл о своей обиде и, дёрнув Жун Цунциня за рукав, выпрямился и, подражая манере своих братьев, спросил:

— Чем ты любишь заниматься в свободное время?

— Читаю, пишу, вот и всё, — улыбнулся Жун Цунцзинь.

Лёгкий аромат цветов доносился со стороны озера. Гу Чжао чуть не забыл, что хотел спросить. Он сидел, подперев щеку рукой, и глупо улыбался, не в силах оторвать взгляда от улыбки Жун Цунцзиня. Он лишь хотел, чтобы тот улыбался подольше, и от этого его сердце наполнялось безграничной радостью.

Когда он улыбается, он особенно прекрасен. В дворце знали о его состоянии и не назначали ему учителей, но он всё же тайком читал книги. Большую часть он не запоминал, выучив первую строчку, тут же забывал вторую, а если и умудрялся что-то запомнить, то смысл оставался для него туманным. Но сейчас, глядя на улыбку Жун Цунцзиня, он вспомнил строчку: «Гибискус не сравнится с красотой девы, от дуновения ветра из водного дворца доносится аромат жемчуга и нефрита». Вот оно как.

Но гибискус, пожалуй, был слишком ярким и вульгарным. Гу Чжао нахмурился и посмотрел в сторону. Была ранняя весна, но в Ванцзине всё ещё было прохладно. В тенистом уголке сада он увидел куст камелий с распустившимися нежными, чисто-белыми цветами. Его нахмуренные брови медленно расправились. Вот оно! Утренняя заря, отражающаяся в капельках росы на камелии, — вот что больше подходило.

— Я... я могу называть тебя Цунцзинь? — зачарованно спросил Гу Чжао.

— Ваше Высочество может называть меня, как пожелает, — услышав знакомое с прошлой жизни имя, Жун Цунцзинь почувствовал, как к носу подступил ком. Его глаза заблестели от слёз, и он ответил сдавленным голосом.

— Тебе не нравится? Тогда я не буду, — испугался Гу Чжао и замахал руками, смущённо вытирая их о халат.

Гу Чжао был полон противоречий. Он знал, что его статус высок и все должны его слушать, но в то же время осознавал своё неловкое положение среди других принцев. Поэтому в глубине души он был ранимым и неуверенным в себе. Но он был оптимистом и знал, что во дворце, если не держать голову высоко, тебя затопчут. Поэтому он всегда ходил с гордо поднятой головой, не обращая внимания на насмешки.

Но Жун Цунцзинь — другое дело...

Он был тем, о ком он мечтал денно и нощно. В сердце Гу Чжао зародилась непонятная боль, отдававшаяся при каждом вдохе. «Что со мной? Неужели какой-то мастер ранил меня?!»

Но ведь никто к нему не приближался. Неужели в мире есть мастера, способные ранить, лишь бросив цветок или лист?

Гу Чжао был в ужасе, его мысли путались.

Жун Цунцзинь не мог видеть его нахмуренных бровей и тут же объяснил:

— Я согласен. Просто ветер в глаза попал.

— В саду много пыльцы, — тут же нашёлся Гу Чжао, убеждённый его словами. — Завтра я отведу тебя в свои покои. У меня там есть пруд с лотосами, летом там прохладно и совсем нет пыльцы.

— Хорошо, — кивнул Жун Цунцзинь, и его сердце наполнилось нежностью, словно камень, брошенный в озеро, оставил на воде лёгкую рябь.

— Какие книги ты любишь читать? — снова напустив на себя серьёзность, спросил Гу Чжао.

— Я читаю всё подряд: записки о путешествиях, хроники заморских стран, стихи, и, конечно, Четверокнижие и Пятиканоние, — лениво ответил Жун Цунцзинь, сидя рядом с ним.

Гу Чжао изо всех сил старался запомнить. Поглощённый этим, он забыл все вопросы, которые заранее выучил. К тому же, в его мыслях всё ещё цвела та белоснежная камелия. Жун Цунцзинь долго молчал, и Гу Чжао понял, что возникла неловкая пауза. Он что-то пробормотал, на лбу выступил пот. Покопавшись в памяти и ничего не найдя, он резко повернулся и вытащил из-за пояса тонкий листок бумаги. Взглянув на него, он снова спрятал его.

Он так торопился, что действовал неуклюже, даже порвал бумагу. Пот с ладоней размазал чернила, и теперь было невозможно разобрать написанное.

— Есть ли места, куда бы ты хотел поехать? — с трудом прочитал Гу Чжао.

Жун Цунцзинь внезапно вспомнил озёра и горы, бесконечную зелень земель Юэ.

— В Дяньнань, наверное. Я провёл там детство. Там высокие горы, ущелья, белоснежные вершины. Круглый год тепло, как весной, а у подножия снежных гор раскинулись лазурные озёра, окутанные туманом. Величественно и прекрасно, — с ностальгией в голосе ответил он.

Гу Чжао слушал, затаив дыхание.

— Я никогда там не был.

— Будет возможность, я отвезу вас туда, Ваше Высочество, — мягко сказал Жун Цунцзинь.

Они были одни в зарослях камелий. Улыбка Жун Цунцзиня озарила всё вокруг. Гу Чжао взглянул на него и поспешно опустил глаза.

Он снова достал свою шпаргалку. Он изо всех сил пытался разобрать написанное, но от пота чернила расплылись. Чем больше он торопился, тем меньше мог понять.

— Можно мне посмотреть? — спросил Жун Цунцзинь.

Мозг Гу Чжао лихорадочно работал, но в голове был лишь ветер. Помолчав, он нерешительно протянул ему бумажку.

Жун Цунцзинь развернул её. Они сидели плечом к плечу в кустах, пытаясь разобрать написанное.

Иероглифы были написаны твёрдой, уверенной рукой.

«Какой красивый почерк», — невольно подумал Жун Цунцзинь. Затем он ответил на все вопросы, которые смог разобрать.

— Ваше Высочество, хотите спросить что-нибудь ещё? — снова спросил он.

Гу Чжао растерянно покачал головой. Помолчав, он, сцепив пальцы, тихо спросил:

— А... какие люди тебе нравятся?

Этот прямой вопрос застал врасплох. Гу Чжао, не замечая этого, продолжал, погружённый в свои мысли:

— Ты... ты действительно женишься на том господине из рода Юй?

Он видел того молодого господина Юй. Высокий, статный, словно нефритовое дерево на ветру. Они вместе смотрелись бы как пара бессмертных, идеальное сочетание. Не то что он, глупый. Гу Чжао незаметно съёжился, чувствуя себя ничтожным.

Он жил во дворце, но знал, что в Ванцзине никто не воспринимал его всерьёз. Если бы его брат не был наследным принцем, его участь была бы хуже, чем у кошки или собаки.

Внезапно он услышал смех.

— Какой ещё господин Юй?

Жун Цунцзинь выглядел спокойным, но, повернувшись к Гу Чжао, его взгляд смягчился. Он наклонился и прошептал ему на ухо:

— Я скажу тебе по секрету. Он мне не нравится. И я не хочу быть его супругом.

Щёки Гу Чжао залил румянец. Он почувствовал тёплое дыхание, и его сердце замерло, а затем забилось с бешеной силой.

— А я? — пролепетал он.

Голос был таким тихим, что потонул в шелесте сосновых ветвей, тише, чем звук падающего цветка.

— Что? — переспросил Жун Цунцзинь.

Гу Чжао вскочил и, собрав всю свою смелость, громко спросил:

— Ты женишься на мне?

<http://bllate.org/book/13698/1581769>